

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ИГРЫ

О.Е. Баксанский

КОГНИТИВНЫЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КАРТИНЫ МИРА: ОТ ЗДРАВОВОГО СМЫСЛА К НАУЧНОМУ ПОЗНАНИЮ

Аннотация. Когнитивная картина мира может быть опровергнута в результате новых наблюдений, испытаний и т.д. Новая парадигма свидетельствует о том, что мир намного более богат по сравнению с тем, как субъект его воспринимает, но ни в коем случае не говорит об ограниченности познавательных возможностей субъекта и ненадежности его перцептивного аппарата. Иначе говоря, человек в действительности не творит мир, а фактически он создает лишь репрезентации мира, исходя из данных тезауруса восприятия. Когнитивные репрезентации позволяют предсказывать будущие события, а когнитивные карты дают возможность адекватно ориентироваться в окружающем мире, в чем заключается их значение и ценность.

Методологические схемы и модели обеспечивают наиболее доступный путь к познанию действительно в качестве интеллектуального инструмента, позволяющего объединить разрозненные элементы. Эти схемы выражают некоторое видение мира, свойственное данному историческому этапу.

Проведен сравнительный анализ генезиса научной картины мира, опирающейся на здравый смысл. Человек в действительности не творит мир, а фактически он создает лишь репрезентации мира, исходя из данных тезауруса восприятия. Когнитивные репрезентации позволяют предсказывать будущие события, а когнитивные карты дают возможность адекватно ориентироваться в окружающем мире, в чем заключается их значение и ценность.

Ключевые слова: когнитивные репрезентации, картина мира, здравый смысл, перцепция, генетическая эпистемология, герменевтика, социальная эпистемология, научная картина мира, философия образования, методология познания.

1. Тезаурус познания и представления о мире.

Каким образом происходит отбор информации, используемой для построения репрезентаций мира из всего обилия перцептивного материала, воспринимаемого человеком? И вообще — каков объем воспринимаемой информации? А также — каким образом происходит ее представление в когнитивной структуре человека?

Как показывают исследования, количество воспринимаемой человеком информации в единицу времени оказывается огромным, в этом отношении человек значительно опережает самые современные компьютеры. Для обозначения этого перцептивного материала введем понятие *тезауруса восприятия*, под которым будем понимать

полный набор перцептивных данных, полученный в результате функционирования сенсорных анализаторов и позволяющий человеку ориентироваться в окружающем мире.

Одна из актуальных гносеологических проблем состоит в исследовании того, каким образом вся эта перцептивная информация представляется в уме человека, то есть, иными словами, как осуществляется когнитивная репрезентация знаний.

Сформулируем эту проблема не в таком общем виде, а в контексте настоящего исследования: как происходит оформление тезауруса восприятия в некоторые репрезентации мира (первоначально обыденные, свойственные каждому человеку, позднее — научные)? Как осуществляется когнитивная репрезентация перцептивного тезауруса

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 12-03-00333 «Философия образования: когнитивный подход».

(тезауруса восприятия) в форме определенного типа представлений о мире?

Для поиска ответа на сформулированный таким образом вопрос следует обратиться к результатам Ж. Пиаже¹, при этом мы будем опираться на интерпретацию, использованную Д. Бомом и развитую автором, для выявления философского значения полученных результатов².

Ж. Пиаже как раз занимался исследованием того, каким образом происходит когнитивная репрезентация перцептивного тезауруса в разные возрастные периоды человека, т.е. как происходит развитие представлений субъекта о пространстве, времени, неизменных объектах, неизменном веществе, полное количество которого сохраняется и т.д. Тем самым он изучал процесс формирования обыденных репрезентаций мира с момента их появления до той ступени, когда они уже являются естественными, то есть обретают статус стандарта «здорового смысла».

Маленький ребенок, конечно, не имеет научных взглядов на мир, который существует отдельно от него и содержит в себе различные более или менее неизменные объекты. Ж. Пиаже показал, что первые перцепции ребенка образуют одно неделимое целое (синкрет). Он не умеет различать разные стороны «внешнего» и «внутреннего» мира. Вместо этого ребенок воспринимает один-единственный мир, в котором непрерывным потоком следуют раздражения, восприятия, ощущения и т.д. Тезаурус восприятия представляет собой еще недифференцированный поток информации, что не позволяет оформиться определенным когнитивным репрезентациям. Однако новорожденный наделен врожденными рефлексам (двигательными, хватательными и т.п.), при развитии которых в окружающем мире выделяются разные стороны, к которым приспособляется ребенок. Благодаря этому окружающий мир начинает эффективно дифференцироваться в той мере, в какой в нем проявляются «узнаваемые» черты — первые когнитивные репрезентации.

Способность узнать что-то является необходимой предпосылкой для того, чтобы начать различать нечто относительно неизменное в тезаурусе восприятия. Позднее ребенок начинает следить

глазами за подвижным объектом и оказывается способен заметить неизменность его формы и размеров, несмотря на движение. Следовательно, у него начинает развиваться представление об осознании непрерывности существования определенных объектов независимо от их окружения.

При этом ребенок еще не способен ощутить ясной и постоянной перцептивной границы между собой и окружающим миром, а также между разными объектами в мире. Однако у него развиваются предпосылки, необходимые для осознания такой границы в дальнейшем. Таким образом, начинают формироваться когнитивные репрезентации о причинности и различии между причиной и следствием. Позже ребенок начинает репрезентировать необходимость промежуточных связей для причинных взаимоотношений, а еще позднее выделяет других людей и объекты как причины событий, происходящих в сфере его опыта.

В это время начинают складываться когнитивные репрезентации пространства и времени. Ребенок узнает, что из одного места в другое можно попасть по множеству разных путей, и все эти разные пути приведут его в одно и то же место. Для нас с вами это кажется само собой разумеющимся, но для ребенка, существующего в водовороте перцептивного тезауруса окружающего мира, данный вывод, вероятно, представляет гигантское открытие — выяснить, что во всем многообразии изменений существуют определенные вещи, которые всегда можно вернуть обратно и притом множеством разных способов.

Одновременно ребенок научается вызывать в памяти уже сформированные когнитивные репрезентации приблизительно в том же порядке, как они реально происходили, а не просто узнавать что-то как уже знакомое, лишь восприняв его снова. В этом заложена предпосылка для различения прошлого и настоящего времени (а позднее и будущего времени, когда ребенок начинает конструировать когнитивные репрезентации ожидаемых событий).

Решающий момент наступает, когда ребенок оказывается способным репрезентировать отсутствующий объект как реально существующий, даже когда его на самом деле он не воспринимает. Теперь он переходит к построению когнитивного образа мира, в котором содержатся как непосредственно воспринимаемые объекты, так и не воспринимаемые в данный момент объекты, и каждому отведено свое место, то есть строятся

¹ Пиаже Ж. Избранные психологические труды. М.: Прогресс, 1969.

² Бом Д. Специальная теория относительности. М.: Мир, 1967.

представления о мире. Сами объекты и их места репрезентируются отныне как постоянно существующие и находящиеся между собой во взаимосвязях, известных ребенку. Такова, например, картина пространства, в котором каждая точка соединена с любой другой множеством путей.

Именно на этом этапе в тезаурусе восприятия ребенок начинает ясно представлять различие между самим собой и остальным миром. До сих пор он не мог провести этой грани, так как его перцептивный тезаурус был недостаточно дифференцирован и охватывал все его ощущения в целом. Приобретая же возможность когнитивно репрезентировать мир, ребенок представляет себе неизменную систему положений, которые заняты различными неизменными объектами, одним из которых является он сам. В своей новой «когнитивной карте» (если использовать введенный позднее и в другой связи Э. Толменом термин, но применимый как раз к описываемой ситуации когнитивных репрезентаций) человек уже способен устанавливать неизменное разделение между собой и другими объектами. В этой когнитивной карте все распадается на две категории — на то, что «внутри» него, и то, что снаружи. Ребенок научается ассоциировать перцептивный тезаурус со своим внутренним миром, и таким образом он формирует когнитивное представление о своем «Я», отличном от остального мира, но вместе с тем занимающем в этом мире определенное место. Подобным же образом он строит когнитивные репрезентации других людей, приписывая им другие «Я». Ребенок понимает, что каждое «Я», с одной стороны производит причинные воздействия на окружающий мир, с другой же стороны, каждое «Я» само подвержено воздействию причин, действующих извне. Это уже представляет собой формирование некоторой экологической картины мира. Таким образом, формируется общая модель мира в пространстве и во времени, составленная из отдельных и неизменно существующих объектов, способных причинно действовать друг на друга.

При этом параллельно формируются репрезентации объективно существующего мира и субъекта, соответствующего одному из объектов, входящих в этот мир. Необходимость этого заключается в том, что когнитивная репрезентация мира, являющаяся разновидностью когнитивной карты, требует выделения одного из субъектов на этой карте для того, чтобы представить расположение самого наблюдателя таким образом, чтобы

стал возможен учет его собственной перспективы, то есть «угла зрения», под которым он репрезентирует мир в каждый момент. Поэтому когнитивная карта, создаваемая каждым человеком, должна соответствующим образом отражать взаимоотношения этого субъекта с его окружением.

Естественно, ребенок не осознает, что он формирует когнитивную карту мира. Ж. Пиаже показал, что маленькие дети часто затрудняются различать то, что они воображают или восстанавливают в своих мыслях и что они в действительности воспринимают своими органами чувств. Таким образом, ребенок считает свою когнитивную карту действительности эквивалентной самой реальности. Привычка думать так подкрепляется каждым новым наблюдением, ибо как только когнитивная карта была создана, она вторгается во все элементы перцептивного тезауруса и накладывает на них свой отпечаток, становясь неотделимой от опыта когнитивной репрезентацией. Известно, что вид объекта, каким человек его воспринимает, во многом зависит от того, что он о нем знает.

Таким образом, в детстве человек приучается смотреть на мир сквозь призму определенных когнитивных репрезентаций, откликаясь с их помощью на каждое новое наблюдение. Это и приводит субъекта к уверенности, что определенные способы понимания и репрезентации окружающего мира не могут иметь альтернатив, хотя фактически эти способы были обнаружены и построены человеком еще в детском возрасте и стали с тех пор для него привычкой, хотя их плодотворность и адекватность неразрывно связаны с определенной областью опыта, то есть с определенным тезаурусом восприятия.

По мере овладения речью ребенок должен решить ряд новых проблем, ибо он должен перевести в структуру языка и языковых когнитивных репрезентаций непосредственно воспринимаемые явления мира, которые представлены в его когнитивной карте. В ходе этого перевода ребенка подстерегают различные несоответствия, когда его мысли и слова противоречат тому, что входит в его перцептивный тезаурус. Тем не менее, шаг за шагом он научается определять и «топологические» взаимоотношения объектов: какие вещи погружены в другие или находятся вне их, какие фигуры замкнуты и т.д. Далее ребенку открывается отношение перспективы, и он узнает, как различать размеры и форму объектов.

Постепенно ребенок сталкивается с необходимостью логического мышления, когда начинает

размышлять о структуре мира и испытывает потребность поделиться своими соображениями с другими людьми, равно как и в том случае, когда он хочет применить свои репрезентации к практическим задачам. Ж. Пиаже показал, что первоначально в мышлении детей логика играет незначительную роль, но в процессе своего развития ребенок формирует познавательные процедуры, используя для этого взаимосвязанные когнитивные репрезентации, системы мысленных образов, словесных описаний и т.д., причем он конструирует структуру, подобную в ряде отношений той структуре мира, которую он непосредственно воспринимает.

Исследования Ж. Пиаже и его последователей позволяют предположить, что формирование картины мира происходит путем освоения существующих соотношений и связей с помощью адекватных когнитивных репрезентаций, образов, словесных выражений, отображающих ту структуру, которая обнаружена в реальности. При этом восприятие является процессом активным, а не пассивным, так как в ходе этого процесса человек вынужден производить множество действий для того, чтобы придать тезаурусу восприятия определенную общую структуру в том смысле, чтобы она была подобна структуре реальных объектов и процессов окружающего мира.

Репрезентация мира, построенная на основе перцептивного тезауруса, представляет собой фактически гипотезу, не противоречащую наблюдаемым характеристикам всего вместе взятого опыта человека по отношению к окружающему миру. Такая репрезентация зависит от всего того, что известно воспринимающему субъекту. Р. Хелд и Дж. Гибсон показали, что воспринимаемая человеком картина мира в действительности содержит такие структурные детали, которых даже и нет в данный момент на сетчатке глаза, но которые человек как бы видит на основе предшествующего опыта³. Дж. Гибсон считает, как было подробно разобрано во втором параграфе второй главы настоящего исследования, что тезаурус восприятия в каждый момент имеет характер предположения, гипотезы в том смысле, что он может измениться, если вытекающие на основе вывода будут противоречить последующему опыту, заключающемуся в движениях, испытаниях и т.п. Тут существенны активные действия воспринимающего субъекта, так как с их помощью всегда проверяются, исправляются и

изменяются рабочие «гипотезы» когнитивных репрезентаций восприятия.

Таким образом, то, что когнитивно репрезентирует субъект, не совпадает с его тезаурусом восприятия, то есть это не точно то же самое, что находится перед его глазами или другими органами чувств. Человек воспринимает все в организованной и структурированной форме.

Но тогда мы вновь возвращаемся к старому вопросу, сформулированному И. Кантом: вытекает ли человеческий метод познания мира как упорядоченного и структурно организованного в пространстве и во времени с учетом причинных взаимосвязей и прочих атрибутов и характеристик из объективной внутренней природы самого мира или он налагается на мир собственным рассудком человека?

Как известно, И. Кант считал, что эти общие принципы представляют собой некоторый вид априорного знания, заложенного в рассудке субъекта, и являются необходимым предварительным условием того, что вообще может осуществляться какой бы то ни было поддающийся пониманию опыт, но сами по себе эти принципы не обязаны характеризовать свойства «вещей-в-себе».

С современных позиций можно сказать, что И. Кант рассматривал указанную проблему под вполне определенным углом зрения (мы обсуждали этот вопрос в последнем параграфе первой главы настоящей работы и еще раз вернемся к нему в первом параграфе заключительной главы). В каждый данный момент новому опыту отвечает некоторая конкретная когнитивная репрезентация, что является необходимым условием восприятия и опознания аспектов окружающего мира. Но все эти когнитивные репрезентации взрослого человека развивались и строились с самого детства. Сначала ребенок открывает структуру своего окружения в ходе длительных экспериментов с ним, развивая новые перцептивные «гипотезы», которые лучше всего объясняют его опыт. На этом пути ребенок как бы «настраивается» на определенный тезаурус восприятия своего окружения, формирует правильные реакции для адекватной перцепции этого окружения. С возрастом этот процесс входит в привычку. Однако как только человек сталкивается с чем-нибудь странным и неожиданным, он становится способен строить новые когнитивные репрезентации и карты на основе новых наблюдений.

Конечно, человеку трудно изменить свои самые общие структурные репрезентации, но мозг, вероятно, обладает способностью репрезентиро-

³ Psychology, A Study Of Science, S. Koch (ed.). New York, 1959.

вать огромное множество структурных конструкции разного рода, которые фактически могут присутствовать в какой-то части того окружения, которое доступно органам чувств человека, если только у него имеется соответствующий интерес, приводящий к определенному роду экспериментирования, исследованиям и т.д.

В каждый данный момент времени те репрезентации мира, которые уже сформированы у субъекта, зависят от его прошлого опыта. Поэтому человек подходит к новому опыту, как и полагал И. Кант, уже с некоторыми заранее принятыми когнитивными репрезентациями и картами. Но последние не являются неизбежно следующими априори из самой природы человеческого познания. Исследования восприятия показывают, что человек мог бы «настроиться» на любые структурные детали своего окружения, на которые только способна отзываться его нервная система и в которых он будет достаточно заинтересован.

Резюмируя изложенное, можно сказать, что исследования Ж. Пиаже позволили понять генезис основных обыденных представлений о свойствах мира. В раннем детстве перцептивный тезаурус человека представляет собой некоторый род единства чувств, ощущений, восприятий, находящихся в постоянном изменении. При этом вообще отсутствует поддающаяся различению структура с постоянными характеристиками. Развитие познания основывается на ряде операций, движений и т.п., с помощью которых ребенок строит когнитивные репрезентации о свойствах окружающего мира. При этом последние всегда исходят из возможности обнаружить в этих операциях и движениях инвариантные взаимосвязи, как, например, взаимосвязь между причиной и следствием, возможность «обратить вспять» определенные изменения с помощью соответствующих операций и т.д.

Столкновение с каждым новым видом инвариантности сопровождается развитием соответствующей когнитивной репрезентации, а позднее отражается и в языке, что находит выражение в когнитивных картах, адекватно представляющих инвариантные взаимосвязи. Эта адекватность понимается в том смысле, что в ней отражаются свойства окружающего мира. Такова, например, когнитивная репрезентация пространства, в котором существуют неизменные положения, соединенные между собой огромными числом возможных путей, что соответствует возможности прийти в одно и то же место по множеству разных путей.

Вслед за этим на перцептивный тезаурус начинают накладываться определенные когнитивные карты, а позднее теряются воспоминания о том, что когнитивная карта лишь отображает обнаруженную прежде связь. Более того, эта карта настолько пронизывает собой когнитивные репрезентации, что кажется неизбежной и необходимой чертой опыта субъекта, и ее критический разбор становится весьма затруднительным.

Общая структура перцепции может рассматриваться как род гипотезы, с помощью которой субъект подходит к построению когнитивных репрезентаций окружающего мира. В той мере, в какой данная гипотеза не приводит к противоречиям, она эффективно подтверждается. Если же возникают противоречия между когнитивной картой и тезаурусом восприятия, то происходит выдвижение новых гипотез, которые воплощаются в новые репрезентации. Происходит непрерывное применение «метода проб и ошибок» для создания адекватной когнитивной карты.

Объективное содержание человеческого восприятия состоит, таким образом, в процессе опровержения и подтверждения гипотез. Тот факт, что когнитивная картина мира может быть опровергнута в результате новых наблюдений, испытаний и т.д., свидетельствует о том, что мир намного более богат по сравнению с тем, как субъект его воспринимает, но ни в коем случае не говорит об ограниченности познавательных возможностей субъекта и ненадежности его перцептивного аппарата. Иначе говоря, человек в действительности не творит мир, а фактически он создает лишь репрезентации мира, исходя из данных тезауруса восприятия. Когнитивные репрезентации позволяют предсказывать будущие события, а когнитивные карты дают возможность адекватно ориентироваться в окружающем мире, в чем заключается их значение и ценность.

2. Повседневная жизнь и здравый смысл.

Зададимся вопросом, каковы основные характеристики обыденного познания мира, свойственного каждому человеку в его повседневной жизни? Иными словами, с помощью каких понятий можно охарактеризовать «здравый смысл» современного человека?

Наиболее адекватным подходом для рассмотрения соответствующей проблематики является феноменологический подход, ориентированный на

изучение не столько научного (или других специализированных форм) знания, сколько на «повседневное знание», знание повседневной реальности, предшествующее научному знанию и пониманию мира. Необходимый шаг в этом направлении был сделан П. Бергером и Т. Лукманом, исходящих из феноменологии Э. Гуссерля и философской антропологии, на работы которых автор широко будет опираться в дальнейших рассуждениях⁴.

Феноменологический подход понимает реальность как качество, присущее феноменам, иметь бытие, то есть существовать вне и независимо от сознания индивида, объективно, а знание, с этой точки зрения, можно определить как убежденность в том, что феномены обладают определенными специфическими характеристиками, почерпнутыми в результате нашего опыта взаимодействия с окружающим миром. Субъект живет в мире, который является «реальным» для него, и он «знает» (с разной степени уверенности), что этот мир обладает такими-то характеристиками. Ученый, в отличие от обыденного человека, может ставить вопросы о том, что такое реальность и каким образом ее можно познать, а также, что является критерием достоверности знания. Эти философские вопросы присущи процессу познания как таковому, однако, ученый и обычный человек отвечают на них по-разному, в зависимости от чего существует различие между знанием научным и знанием повседневной реальности.

Субъект обычно не уделяет много внимания вопросу о том, что для него реально и что он знает до тех пор, пока не столкнется с некоторыми проблемами, которые заставят его задуматься над этим. Для индивида своя реальность и свое знание считаются само собой разумеющимися, воплощаясь в его здравом смысле. Однако последний формируется в результате определенного воздействия социума, которому принадлежит субъект в данный конкретно-исторический этап его развития. Иными словами, здравый смысл характеризуется фактом социальной относительности, то есть для различных социальных контекстов характерны определенные особенности «реальности» и знания о ней, а также способы, посредством которых осуществляется процесс познания реальности. Отсюда следует, что знание повседневной реальности социально конструируется — субъект видит мир

сквозь линзы познания, выработанные в процессе исторического развития своего социума.

Таков один из возможных подходов к анализу обыденного познания мира, существующий в социологии знания. Этот взгляд заявил о себе сравнительно недавно, поэтому представляется небезынтересным рассмотреть его аргументацию с точки зрения формирования современных ориентаций познания.

Начиная с М. Шелера, существовала традиция рассматривать взаимосвязь человеческого мышления и социального контекста, в рамках которого осуществляется познавательный процесс. Этот подход не нов, так как понимание социального происхождения мировоззрения уходит своими корнями в Античность, а с эпохи Просвещения такое его описание становится неотъемлемой частью западного мышления.

У К. Маркса берет свое происхождение положение о том, что социальное бытие определяет человеческое сознание. В. Дильтей обосновывал историчность человеческого мышления, тем самым утверждая его социальный контекст. Анализируя способ, с помощью которого социум упорядочивает человеческое знание, М. Шелер подчеркивал, что знание в обществе дано восприятию индивида априорно, гарантируя субъекту смысловой порядок. Хотя этот порядок и связан с определенной социально-исторической ситуацией, индивид склонен рассматривать его как естественный способ видения мира. М. Шелер обозначал этот процесс как «относительно-естественное» мировоззрение общества. К. Мангейм пошел в этом направлении еще дальше и считал, что социум детерминирует не только возникновение, но и само содержание человеческих знаний, за исключением математики и части естественных наук. Он ввел понятие «реляционизма», означающее не влияние на познание относительности социально-исторических факторов (релятивизм), но признание того факта, что знание всегда должно быть знанием с определенной позиции. К. Мангейм считал, что хотя полностью избавиться от социального влияния нельзя, его можно уменьшить, систематически анализируя различные социально-обоснованные позиции. Иными словами, это означает, что объект познания становится понятнее и интегрируется в уже имеющиеся знания по мере накопления различных перспектив, с которых его можно рассматривать.

К. Мангейм считал, что разные социальные группы весьма различаются по способности пре-

⁴ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995.

одолевать рамки собственной позиции, и подчеркивал значение «утопического» мышления, которое создает искаженный образ реальности, но в отличие от социального воздействия оказывается более динамичным для преобразования этой реальности в собственное представление индивида о ней.

В близком направлении работал и Р. Мертон. Он ввел понятия «явных» и «скрытых» функций идей, что позволило различать преднамеренные, сознательные функции идей и непреднамеренные, бессознательные.

Анализ знаний повседневной реальности должен охватить все, что считается результатом познания в определенном социуме. С этой точки зрения, научная картина мира представляет собой лишь часть (пусть и немаловажную) того, что считается знанием. Ученые составляют очень незначительную часть социума, но каждый субъект общества каким-то образом имеет отношение к знаниям повседневной реальности, свойственным данному социуму. Иными словами, научное познание мира осуществляется очень немногими, но обыденное познание присуще каждому.

Преувеличивать важность научного познания является бесспорной тенденцией нашего времени. Однако научное познание реальности не исчерпывает всего того, что является «реальным» для членов социума. А потому следует обратить внимание на то, что люди знают как реальность их повседневной жизни. Повседневное знание представляет собой то, без чего не может существовать ни одно общество, которое социально конструирует присущее ему видение реальности.

Какова же структура обыденного познания в реальности повседневной жизни?

К этому вопросу в своих работах обращался А. Шюц. Он считал, что «все типизации обыденного мышления сами являются интегральными элементами конкретно-исторического и социально-культурного жизненного мира, в рамках которого они считаются само собой разумеющимися и социально признанными. Наряду с другими вещами их структура определяет социальное распределение знания, его относительность и соответствие конкретному социальному окружению конкретной группы в конкретной исторической ситуации»⁵.

Представляется целесообразным сделать следующее замечание. Традиционно общей методологической установкой является представление, или точнее уверенность в том, что все факты и закономерности, достижения и заблуждения могут и должны быть объяснены объективными причинами. И что, напротив, следует избегать обращаться к субъективным причинам, или, более мягко, это обращение нужно откладывать как можно дольше, до тех пор, пока оно не станет неизбежным.

Вопросы о том, как познавать мир и как получить достоверные знания, соответствующие реальному положению вещей в мире, представляет собой основной вопрос гносеологии. Поиск ответов обнаруживается уже в первоисточнике всякого знания — в обыденном знании, то есть в здравом смысле.

При анализе различных феноменов исследователь использует следующие процедуры: наблюдение, описание и экспериментирование. Основной его задачей является обнаружить значимые явления, которые позволят сформулировать повторяющиеся закономерности. Исследователь стремится понять, как происходят различные явления и процессы и почему они происходят именно так, а не иначе. При этом он исходит из тенденции объяснять сложные явления простыми причинами.

Пока исследователь занят описанием явлений, основной его задачей является продвижение в понимании фактов, причем немалую роль в этом играет интуиция, ведущая либо к успеху, либо к неудаче. По этому поводу А. Эйнштейн заметил, что исследователь ведет себя «подобно какому-нибудь неразборчивому оппортунисту: он проявляет себя как *реалист* в той мере, в какой он пытается описать мир, независимый от акта восприятия; *идеалист* в той мере, в какой он исследует концепции и теории как свободные порождения человеческого духа (которые не могут быть логически выведены из эмпирически данного); *позитивист* в той мере, в какой он рассматривает эти концепции и эти теории, лишь постольку, поскольку они обеспечивают логическую репрезентацию отношений между переживанием смыслов»⁶.

Но как только исследователь начинает искать объяснение наблюдаемым результатам, то он сра-

⁵ Цит. по: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995. С. 32.

⁶ Schilpp P.A. Albert Einstein Philosopher Scientist, Library of Living Philosophers, Evanston, 1949. P. 684.

зу оказывается в рамках определенных методов, принятых в соответствующей дисциплине, базирующейся на некоторой системе теорий. В этом случае вступает в права та или иная научная парадигма, согласно которой объяснить означает свести неизвестное к известному.

Таким образом, применяются совершенно разные приемы для того, чтобы обнаружить какое-то неизвестное явление и чтобы его объяснить. В первом случае речь идет о совершении открытия, а во втором — о понимании того, что представляет собой реальность. Как можно отметить, важными характеристиками открытия являются такие его свойства, как объективность и рациональность. Пониманию же свойственно нечто субъективное, иррациональное, подверженное порывам желаний, эмоций, убеждений.

Разделение объективного и субъективного стало основой европейской культуры. Но, с другой стороны, пренебрежение субъективным, психологическим аспектом познания влечет за собой пренебрежение тем простым фактом, что познание осуществляется людьми. Давайте сформулируем вопрос иначе: возможна ли объективная методология в целом, исключающая из себя субъективные феномены?

Несомненно, существуют некоторые общие характеристики процесса познания. Но и индивидуальные, субъективные особенности неустранимы, так как они идут, в том числе и от самой биологической организации человека, от его интеллектуальных способностей, что подробно было проанализировано в последнем параграфе предыдущей главы.

В чем эффективность методологической системы? В ней сформулированы система категорий и идеальных моделей, позволяющие описывать явления и процессы на едином языке. Таким образом, достигается ситуация, которая делает возможным не просто эмпирическое наблюдение, но и сбор статистических данных, призванных его узаконить. Теории различаются использованием этих категорий и моделей, ограждающих исследователя от неадекватных в данной ситуации понятий здравого смысла, от беспорядочного, бессистемного накопления примеров и направляющих мышление в определенное русло.

Теория, таким образом, представляет тенденцию, закономерность, которой подчиняются

те или иные явления и процессы, она предписывает их понимание, что придает значительным теориям характер одновременно необходимый и всеобщий.

Но насколько однозначно люди, даже получившие образование в одних и тех же институтах и у одних и тех же преподавателей, владеют теми или иными знаниями?

Как показывают социологические и психологические исследования, специалисты зачастую употребляя одинаковые термины или понятия, оказываются не в состоянии четко и однозначно их определить. Поэтому другим передается только то, что кажется точно понятным самому себе. Между тем, следует признать, что большинство определений и объяснений человек понимает с помощью способности, называемой «чувством реальности»⁷. Она позволяет распознавать идеи, которые сочетаются между собой, причем не для того, чтобы они могли быть подтверждены поиском фактов, а потому, что они представляют собой часть общих особенностей человеческой жизни и опыта, его здравого смысла.

Иными словами, всякое новое явление или процесс надо суметь определенным образом трансформировать в нечто абстрактное и автономное, доступное знанию и пониманию, то есть в некоторую форму, способную упорядочить содержание и придать ему смысл. Задача методологии как раз и заключается в выделении и упорядочении этих форм из всего многообразия человеческих когнитивных схем и ассоциаций. С другой стороны, следует показать, что, несмотря на все многообразие явлений и процессов природы, количество этих закономерностей конечно и они могут быть поняты разумом.

Резюмируя изложенное, можно сказать, что для анализа обыденного познания мира требуется исходить из исследования того, как эта реальность конструируется социумом, к которому принадлежит индивид.

Методологические схемы и модели обеспечивают наиболее доступный путь к познанию действительности в качестве интеллектуального инструмента, позволяющего объединить разрозненные элементы. Эти схемы выражают некоторое видение мира, свойственное данному историческому этапу.

⁷ Московичи С. Машина, творящая богов. М., 1998.

Список литературы:

1. Баксанский О.Е. Когнитивная наука: моделирование человеческого интеллекта // Психология и психотехника. 2010. № 10. С. 12–20.
2. Баксанский О.Е. Когнитивные репрезентации: обыденные, социальные, научные. М., 2009.
3. Баксанский О.Е. Козволюционное мышление в контексте конвергентных технологий: от биологии к культуре // Философия и культура. 2013. № 9. С. 1307–1313.
4. Баксанский О.Е. Методологические основания модернизации современного образования // Философия и культура. 2012. № 9. С. 105–111.
5. Баксанский О.Е. Физики и математики: анализ основания взаимоотношения. М., 2009.
6. Баксанский О.Е. Философия, образование и философия образования // Педагогика и просвещение. 2012. № 2. С. 6–19.
7. Баксанский О.Е., Гнатик Е.Н., Кучер Е.Н. Естествознание: современные когнитивные концепции. М., 2008.
8. Баксанский О.Е., Гнатик Е.Н., Кучер Е.Н. Нанотехнологии. Биомедицина. Философия образования. В зеркале междисциплинарного контекста. М., 2010.
9. Баксанский О.Е., Кучер Е.Н. Когнитивно-синергетическая парадигма НЛП: от познания к действию. М., 2005.
10. Баксанский О.Е., Кучер Е.Н. Когнитивный образ мира: пролегомены к философии образования. М., 2010.
11. Баксанский О.Е., Кучер Е.Н. Моя картина мира. Как человек создает повседневную реальность. М., 2014.
12. Брунер Дж. Культура образования. М., 2006.
13. Спирина Э.М. Зарождение антропологического смысла в символе // Философия и культура. 2011. № 9. С. 126–134.

References (transliteration):

1. Baksanskii O.E. Kognitivnaya nauka: modelirovanie chelovecheskogo intellekta. // Psikhologiya i psikhotehnika. 2010. № 10. S. 12–20.
2. Baksanskii O.E. Kognitivnye reprezentatsii: obydennye, sotsial'nye, nauchnye. M., 2009.
3. Baksanskii O.E. Koevoljutsionnoe myshlenie v kontekste konvergentnykh tekhnologii: ot biologii k kul'ture // Filosofiya i kul'tura. 2013. № 9. S. 1307–1313.
4. Baksanskii O.E. Metodologicheskie osnovaniya modernizatsii sovremennogo obrazovaniya // Filosofiya i kul'tura. 2012. № 9. S. 105–111.
5. Baksanskii O.E. Fiziki i matematiki: analiz osnovaniya vzaimootnosheniya. M., 2009.
6. Baksanskii O.E. Filosofiya, obrazovanie i filosofiya obrazovaniya // Pedagogika i prosveshchenie. 2012. № 2. S. 6–19.
7. Baksanskii O.E., Gnatik E.N., Kucher E.N. Estestvoznaniye: sovremennyye kognitivnyye kontseptsii. M., 2008.
8. Baksanskii O.E., Gnatik E.N., Kucher E.N. Nanotekhnologii. Biomeditsina. Filosofiya obrazovaniya. V zerkale mezhdistitsiplinarnogo konteksta. M., 2010.
9. Baksanskii O.E., Kucher E.N. Kognitivno-sinergeticheskaya paradigma NLP: ot poznaniya k deistviyu. M., 2005.
10. Baksanskii O.E., Kucher E.N. Kognitivnyi obraz mira: prolegomeny k filosofii obrazovaniya. M., 2010.
11. Baksanskii O.E., Kucher E.N. Moya kartina mira. Kak chelovek sozdaet povsednevnyuyu real'nost'. M., 2014.
12. Bruner Dzh. Kul'tura obrazovaniya. M., 2006.
13. Spirova E.M. Zarozhdenie antropologicheskogo smysla v simvole. // Filosofiya i kul'tura. 2011. № 9. S. 126–134.